

Розділ XVIII

КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО В УМОВАХ ТРАНЗИЦІЇ

ТУЛЯКОВ В. О.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
заведующий кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины,
заслуженный деятель науки и техники Украины

ТРАНЗИТИВНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Современное уголовное право традиционно реализуется в таких направлениях как:

Общая (фундаментальная) теория уголовного права, описывающая доктринально феномен преступления и наказания, иных уголовно-правовых последствий преступного деяния;

Уголовное законодательство (источники, связанные нормы на международном, супранациональном и национальном уровнях правового регулирования);

Практика правоприменения в динамике развития уголовно-правовых отношений на различных уровнях социального взаимодействия.

При этом аддитивный характер уголовного права в практике формирования уголовного запрета и правореализации предполагает не только его связанность конституционными нормами и процессами, но и категориальную и нормативную зависимость от массы различного рода процессов. Будучи открытой гомеостатической системой, уголовное право стремится к упорядоченности энтропийной по характеру и видам проявления массы преступлений и злоупотреблений правом, совершаемой в определенных условиях пространственно-экономической и политической константы. В силу этого в упорядоченных демократических социальных системах уголовное право выполняет организующую и стимулирующую роль контроля над девиациями. В системах тоталитарных и фундаменталистских — метода подавления активного сопротивления граждан, нейтрализации политической активности оппонентов.

Глобальные и региональные политические, социальные и культурные дисбалансы и конфликты, коммуникационные вбросы влияют на правовую материю, дезорганизуют ее, создают ситуации, когда стабильная по сути уголовно-правовая форма находится в диссонансе

с развивающимися общественными и социальными отношениями и процессами.

Возникают околоправовые формы уголовно-правового реагирования и контроля. Создаются новые оксюмороны «политико-правовых» уголовных законов. Создается транзитивное уголовное право.

Понятие транзитивной юстиции широко используется в Западной криминологической науке со середины 70 х годов прошлого века (среди отечественных специалистов, известны некоторые работы В. Н. Дремина, посвященные описанию транзитивной преступности). И особенную значимость оно приобретает в веке нынешнем. Сомали и Руанда, Танзания и Конго, государства бывшего СССР и бывшей Югославии, — все эти страны находятся по тем или иным причинам в переходном периоде развития, который, как ни крути, а менее 40 лет занять не может. Концепт достаточно прост: транзитивная юстиция отображает процесс перехода от отжившей формы публично-правовых отношений (феодализм, тоталитарные режимы) к буржуазно-демократическим по сути системам, базирующимся на идеологии ландшафта примата концепции прав человека и защиты базовых человеческих ценностей. Как в свое время концепция индивидуальной мести в уголовном праве была изменена на справедливое государственное принуждение, так и сегодня концепция несправедливого государственного принуждения меняется на справедливое, соответствующее чаяниям и нуждам населения, отражающим природно-правовую форму распределения видов и форм справедливого обращения с человеком.

Вместе с тем в транзитивных обществах категория «справедливость» отождествляется с пониманием истины и правды и это расширяет трактовку этого термина до размывания. По мнению А. В. Арендаренко, «социальная справедливость — одно из движущих чувств, которое определяет правосознание человека, формирует и изменяет его в зависимости от конкретного исторического, социально-экономического, политического этапа жизни общества. Правосознание, в свою очередь, формирует правопорядок в государстве». В уголовном праве же «общеправовой принцип социальной справедливости — один из основополагающих принципов, который проявляется в трех важных направлениях применения уголовного права: при формировании круга общественно опасных деяний, при назначении наказания и при определении санкции». (Арендаренко А. В. «Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в уголовном праве России» — дисс...докт. юр.наук. — М, 2012).

Вместе с тем, очевидно, что в современном состоянии проблемы уголовно-правового обеспечения процесса предупреждения транзитивной преступности тренды носят не правовой, а политико-правовой характер, детерминируемый скорее политическими интересами и

процессами, чем истинными потребностями общества. И уж отнюдь не в первую очередь принципом социальной справедливости.

В таком контексте обожествление популистского нормативного регулирования в ущерб правореализации, обоснование процесса криминализации деяний текущим моментом, а не требованиями безопасности и стабильности, селективность коммуникаций и ангажируемость медиа образов возвращает нас к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 года, где аналогия закона была вершиной его применения.

В этой связи транзитивное уголовное право представляет собой инструмент принудительного обеспечения политики перехода от отживших форм общественных отношений к новым публично правовым основам государства и общества.

Оно более динамично и гибко, с одной стороны, оно находится в постоянном изменении и способствует ломке отживших правовых форм и стереотипов и одновременно, менее демократично, поскольку основано на идеологеме «вредности и опасности» всего устоявшегося, старых укладов и строя. И Тихий Дон перестает быть тихим...

Учение о преступлении и наказании дополняется отдельным симулякрот учения о проступках, развивается идея муниципального уголовного права, что размывает поле девиаций, создает возможность органам местного самоуправления посредством локального законотворчества активно участвовать в охране собственных интересов. Единство режима законности меняется на виртуальность отношений городского (муниципального) права, где производство по отдельным видам криминальных правонарушений отдано локальной юстиции. Сторонники этой политико-правовой модели подчеркивают ее демократичность. И полностью попирают единый режим законности.

Принцип переходности, транзитивности царит над этим.

Но. Уголовное право есть фундаментальная отрасль, защищающая права человека, Конституцию и демократические ценности в государстве в целом, обеспечивающая справедливый и равный режим распределения государственного принуждения, к лицам, нарушившим единый уголовный закон государства. В противном случае при диверсификации уголовно-правового принуждения в схемах гражданского общества мы приходим к формированию Уголовных кодексов Винницы и Львова, Киева и Житомира. К ситуациям, при которых политическое объединение или партия присваивает себе право насилия над оппонентами, формирования вооруженных отрядов, с допуском локального ограничения свободы передвижения, что, будучи основой права на восстание в период революции, подрывает идею легитимности власти в транзитивный период.

Нам в связи с этим ближе скандинавская модель устойчивого развития уголовного права, согласно которой категоризация проступков

не здійснюється в повному обсязі, і, відповідно, перехід вулиці в неположене місце і тілесне пошкодження однаково кваліфікуються як злочин. Диференціація відбувається за ступенем і формою примусової реакції суспільства. Однак порушення прав, завдання шкоди особистості і суспільству оцінюється однаково з точки зору соціальної значимості.

В силу цього оцінка майбутніх кримінальних законів повинна бути по-можливості позбавлена компанейщини і політиканства. Очевидно, що ефективність закону буде пов'язана не тільки з його непротиворечивістю фундаментальним правам і свободам людини, але і з легітимною формальною визначеністю норм і принципів міжнародного, транснаціонального, субнаціонального, національного, групового і індивідуального кримінально-правового регулювання. Тобто в ідеалі мова йде про те, щоб законопроект відповідав як міжнародно-правовим нормам і принципам, так і індивідуальному правосвідомості звичайних громадян країни на нормативному, духовно-моральному, комунікативному, медіа-ресурсному і індивідуальному рівнях.

Ідуща гуманізація політичного свідомості не може не супроводжуватися певною радикалізацією і категоричністю поглядів і переконань. Однак сьогодні необхідно визнати необхідність створення і оформлення нової моделі кримінально-правових відносин в триаді «злочинець-пошкоджений-державність», заснованої на базисних публічно-правових змінах і пріоритеті прав людини.

КОЗАЧЕНКО О. В.

Миколаївський інститут права
Національного університету «Одеська юридична академія»,
завідувач кафедри кримінально-правових дисциплін,
доктор юридичних наук, професор

СУЧАСНЕ РОЗУМІННЯ ПРИНЦИПУ НЕВІДВОРОТНОСТІ У КРИМІНАЛЬНОМУ ПРАВІ

У кримінально-правовій доктрині склалося стале уявлення про розуміння принципів (загальних засад) як найбільш загальних, закріплених у кримінальному законі або відтворених у його змісті положень, які визначають використовуваний предмет та метод правового регулювання і відображають як рівень суспільної правосвідомості, так і рівень культури, що склалися в конкретно-історичних умовах. Слід звернути увагу, що в науці кримінального права розрізняють два способи вираження принципів: безпосереднє формулювання їх у